

и противлениe именно зломъ, потому что возбуждать ненависть къ сдѣлавшимъ распоряженіе о высылкѣ Гусева и презрѣніе къ исполнившимъ это распоряженіе, значитъ возбуждать зло. Проповѣдь же „не убий“ вы обращаете въ ничто прославленіемъ смерти, которое становится даже призывомъ къ убийствамъ и самоубийствамъ. Неужели въ этомъ учение Христа?! — Я знаю въ подробности и ваши разъясненія учения Христа, знаю и то, какъ разъяснялъ это учение Н. Ф. Федоровъ, и не понимаю вашего упорного нежеланія познакомиться съ разъясненіями Федорова, этого не только истинно великаго, но и святого человѣка.

Начавъ это письмо, я хотѣлъ написать его совсѣмъ иначе, я хотѣлъ обратиться къ вашему сердцу. Но перечитывая при этомъ ваше сообщеніе о высылкѣ Гусева, я все больше и больше терялъ надежду найти уголокъ въ вашемъ сердцѣ, где еще сохранилось доброе чувство, а потому письмо и вышло совсѣмъ не тѣмъ, какимъ хотѣлось бы, чтобы оно было. Мнѣ въ высшей степени тяжело видѣть въ васъ такое ожесточеніе. Отъ васъ зависитъ обратить зло въ величайшее добро, а вы только тѣмъ и занимаетесь, что къ злу прилагаете зло, чѣмъ и отдаляете тотъ благодатный день, когда на землѣ будетъ миръ и между людьми любовь. Какъ-бы я счастливъ былъ, если-бы взломался, наконецъ, оковавшій ваше сердце ледъ. Хотя и потерявшій почти надежду на ваше обращеніе, но тѣмъ не менѣе любящій васъ *Н. Петерсонъ*. 1-е сентября 1909 г. Гор. Вѣрный".

На это письмо я получилъ такой отвѣтъ: „Милый Николай Павловичъ. Пожалуста не пишите мнѣ. Письма ваши,—такія какъ всѣ послѣднія, могутъ только вызывать недобрыя чувства въ васъ; могли-бы вызывать такія же чувства и во мнѣ, если-бы я не привыкъ любить васъ, а главное потому что доживая по всѣмъ вѣроятіямъ послѣдніе дни, можетъ часы моей жизни, я всѣ силы души употребляю на то, чтобы быть въ любви со всѣми тѣмъ болѣе съ такимъ хорошимъ человѣкомъ какъ вы. Такъ пожалуста не пишите. Ваше молчаніе я буду понимать какъ выраженіе вашего доброго расположенія ко мнѣ, *Левъ Толстой*. 14 сентября 1909 г. Крекшино".

Что-же это, однако, значитъ? Неужели это мольба о пощадѣ?.. Въ своемъ заявлениѣ объ арестѣ Гусева Левъ Николаевичъ говоритъ, что онъ считаетъ свои мысли „истинными, нужными“, считаетъ смыслъ своей жизни „только въ томъ, чтобы высказывать ихъ“, эти свои мысли, и по куда будетъ живъ, будетъ высказывать ихъ и ничто не можетъ измѣнить этой его дѣятельности.. Но и я съ своей стороны,—считаю мысли Льва Николаевича совершенно ложными и не только не нужными, но въ высшей степени вредными, такъ какъ, одурманизая, они сбиваютъ людей съ истиннаго пути,—полагаю смыслъ моей жизни только въ томъ, чтобы, отрезвляя отъ дурмана, напущенного при немаломъ участіи Льва Николаевича современнымъ направленіемъ мысли,—чтобы призывать людей къ общему для всѣхъ дѣлу спасенія отъ голода, болѣзней и смерти; и я убѣждена, что только соединившись въ дѣлѣ всеобщаго спасенія, люди увидятъ, что они братья, тогда только прекратятся между ними войны и всякая борьба, экономическая, политическая, соціальная, и на землѣ настанетъ миръ, а между людьми любовь... Полагая весь смыслъ моей жизни въ призыва лю-